

Вся сказка Маугли

Автор:

[Шимун Врочек](#)

Вся сказка Маугли

Шимун Врочек

Когда началась Великая Отечественная? Правильно, 22 июня 1941 года. А если – 3 июня, и начал ее Советский Союз? А одной из разведывательных операций является заброска ... в 2005 год?

Шимун Врочек

Вся сказка маугли

I. ВСЯ СКАЗКА

1941

Младший сержант Валентин Бисеров расстроен. Сержант думает, что хохол на командирской должности – это кристально чистый, хрустально прозрачный, голубовато холодный, с золотыми рыбками пиздец. И в этот незамутненный пиздец с головой ныряет вторая парашютно-десантная рота ОМСБОН НКВД в полном составе.

– Ну, лягли і поповзли! – командует майор через плац. – До мене!

Вторая рота лягает и ползет.

– Животи підтягти! Зад не піднімати! Швидше, суччі діти, швидше! – майор стоить и смотрит.

В «прыжковый» паек входят сухари и кусок комбижира. Теоретически этого хватит, чтобы после выброса проделать марш-бросок на десять километров с оружием, в полной выкладке и не сдохнуть на пороге части.

«Прыжковый» паек давно не выдают; в столовой же кормят – не сказать, что на убой. К тому же они сейчас после десантирования, а значит: потеряли пару килограммов живого веса каждый. Так что, хрен там, думает Бисеров, работая локтями. Подтягивать особо нечего. К моменту пиздеца десантники настолько стройные, что расположение плаца, на котором командует майор Трищенко, можно определить издалека: по скрипу, с которым ребра стираются о бетон.

Но майора Трищенко это не волнует.

– Вторая рота, хазы!

Звонкое украинское «ха» наотмашь лупит по телам в камуфляже. Эффект убийственный. Часть десантников погибает на месте; другие продолжают двигаться, как цыплята с отрубленными головами, пока не понимают, что давно мертвы; затихают. Третьи уткнулись в землю.

Твою мать, думает Бисеров.

Трищенко не улыбается. Майор стоит на крыльце столовой, широко расставив ноги в начищенных сапогах. На нем командирская шерстяная форма – сейчас ранняя осень и довольно холодно; у него красное лицо и пористый алкоголический нос. Майор достает платок и рассеянно вытирает ноздри; глаза не отрываются от плаца. Команда о начале газовой атаки – коронный номер Трищенко: поэтому важно не упустить момент, когда десантники, выматерившись в бетон, ломают себя и начнут выполнять.

Начали. Шевелятся. Лихорадочно открывают под сумки. Через несколько секунд вместо лиц – резиновые хари: глаза-иллюминаторы, и хоботы из брезента.

– ...і поповзли! – орет майор.

Ага, щас. Бисеров ползет. Дышать нечем; локти, похоже, стесаны до мяса. В противогазе жарко, и ни хрена не слышать (именно поэтому Трищенко так надрывается). Стекла мгновенно запотевают. В ушах – гул, словно нырнул на глубину; а там сидит туберкулезник, который уже выплюнул половину легких и теперь со свистом выхаркивает остальное. Младший сержант с некоторым удивлением отмечает, что этот звук – его собственное дыхание.

Через окуляры Бисеров видит...

Ни хрена не видит, если честно.

Десантники навьючены, как мулы с контрабандой. Автомат ППШ с запасными дисками, газовая маска, регенеративный патрон, нож разведчика, малая лопатка, вещмешок, револьвер или пистолет ТТ по вкусу, гранаты. Слава богу, хоть парашют на себе переть не пришлось; условия, приближенные к боевым. Подняли ночью по тревоге, на аэродром, проверить снаряжение! грузиться в самолет, живей-живей-живей! тряска, еще тряска, ух, взлетели; гул моторов, досыпаем на ходу; вылетаешь из сна, м-мать, как беспризорник из трамвая. Режущий вой сирены, красная лампа мигает, цепляй кольцо... пошел-пошел-пошел!

Бля!!

Падаешь. Сердце сейчас, кажется, остановится...

Рывок.

И два часа (как кажется Бисерову – на самом деле проходит чуть больше трех минут) безмятежного спокойствия. Поля с высоты кажутся серыми. На земле десантников встречает учебным огнем первая рота; подавить, собраться, руки в ноги – и в марш-бросок. Добежали, только животы к хребту прилипли. Теперь десантники ползают по плацу в резиновых намордниках; перед столовой на грани голодного обморока. Кажется, что запахи из кухни, огибая по пути майора, реют над полем, как красный флаг над Пиком Коммунизма. Проклятые запахи проникают даже сквозь регенеративный патрон; в наморднике у сержанта мощно пахнет перловкой с комбижиром. Агрессивные, гады, как самураи в

тридцать девятом. Даже угольный фильтр не помеха.

Младший сержант думает, что запах перловки, скорее всего, ему мерещится. Как и крик «А-атставить!».

Бисеров натывается на препятствие; поневоле останавливается. Судя по тому, что удастся рассмотреть (черная поверхность, шляпки гвоздей, цифры 41), это сапоги. Вернее, подошвы. Одна из подошв отдаляется и потом несильно бьет сержанта в запотевший иллюминатор. На стекле остается травинка. Сейчас октябрь, поэтому травинка – желтого цвета.

– Отставить! – наконец слышит Бисеров. С нажимом на «а» это раз за разом повторяет незнакомый голос.

Сержанта подташнивает. Главное – не блевануть в маску. В желудке, кроме кислоты, ни черта не осталось, так что это будет нечто удушающее.

– Снять противогазы!

Наконец-то! Бисеров поднимается на ноги, стаскивает намордник. Воздух обжигает. С непривычки кружится голова. Сержанта качает; его поддерживают за рукав. Вокруг – столпотворение: кто-то лежит, с него снимают маску и бьют по щекам; один десантник на коленях, его выворачивает. Бедняга дергается в спазмах, не в силах ничего из себя выдавить.

– Рота, в две шеренги! Становись! – тот же незнакомый голос. Бля, думает Бисеров устало.

– Отделение, становись! – вспоминает сержант о своих обязанностях. Десантники бегут; Бисеров бежит. Сомлевших тащат под руки, укладывают позади строя на траве.

– Равняйся! Смирно! Равнение на! середину! – это уже ротный.

Бисеров задирает подбородок так, словно пытается проколоть им небо.

– Вольно!

Правую ногу расслабить. Сержант смотрит на плац с удивлением – непривычно видеть его пустым. Хотя... Равнение на середину, вспоминает Бисеров. Там стоят двое: майор (чтоб он сдох) Трищенко и незнакомый командир в синих галифе. Фуражка у него синяя, околыш красный; на рукаве звезда с серпом и молотом и два (нет, три!) красных угольника. Целый капитан госбезопасности! Охренеть можно!

2005

Педиатрия – это, конечно, наука, но покоится она на суевериях. Как земной шар на спине черепахи. Детские врачи в этом смысле напоминают шаманов – каждый камлает по-своему; со своим бубном пляшет. Одни педиатры твердят, что грудной ребенок должен плавать, другие – что не должен. Третьи говорят: больше гуляйте; четвертые предлагают закаливание. Но в целом советчики сходятся: чего-то важного Айгуль не делает.

Самое обидное – и не понимает, чего.

Поэтому в роли матери она чувствует себя, как альпинист на вершине мира. Да, забралась – терпения хватило, спасибо, больше не надо. Флаг родины поставила; надпись написала; на память сфотографировалась. А как дальше жить? Самое трудное (спуск вниз, 8844.43 метра, снег, лед и кислородное голодание) еще впереди, а сил уже нет.

1941

Безопасника зовут Алексей Игоревич Сафронов. Это в НКГБ он капитан, а по армейским званиям – целый подполковник. Бисеров с удовольствием вспоминает, как выглядел Трищенко в газовой маске. Все видели – вся вторая парашютно-десантная рота; повара и даже наряд по столовой.

– Команда «газы», – говорит капитан размеренно. Голос у него только кажется мягким: железный прут, обернутый тканью. – Касается не только рядовых красноармейцев, но в первую очередь – старших по званию. Без командира, как без головы. Верно говорю, товарищ майор? Тогда возьмите.

И вручает Трищенко сумку с противогазом.

Бисеров снова вспоминает лицо майора в этот момент – и ухмыляется.

Потом десантники стоят и смотрят. Майор надевает камуфляж и маску – делать он этого откровенно не умеет, приходится помогать. Ему дают автомат, вещмешок, цепляют на пояс лопатку и гранаты. И все равно майор не выглядит десантником. Никак. Только Бисерову все смешнее и смешнее. Потому что в таком виде Трищенко невероятно забавен. Такой интеллигентный презерватив. Хотя видит бог, думает сержант, ничего интеллигентного в нем нет.

Потом майор ложится и ползет. От крыльца через весь плац – по-пластунски. И этого Трищенко тоже не умеет.

Еле доползает. Капитан идет рядом с ним и молчит. Майор косится на сверкающие хромовые сапоги безопасника, хрипит, делает вид, что изнемог. А может, и в самом деле, думает Бисеров. Сержант даже про голод забыл – с таким-то зрелищем.

Наконец Трищенко сдается. Он лежит на бетоне, какдохлый шерстяной кит. Сафронов подходит и ждет. Минута – нет движения. Вторая...

– Пристрелю, – тихо и внятно говорит капитан. Это слышит каждый из десантников – такая вокруг тишина. Слово падает, как лезвие революционной гильотины.

У Трищенко внезапно открывается второе дыхание.

– А теперь, – капитан улыбается. – Рота, на завтрак, шагом марш!

Айгуль вздыхает и поднимает тазик с бельем. Стирка – это процесс, уходящий в бесконечность. Особенно, когда в доме – ребенок. Георгий сейчас спит – слава богу, мальчики тоже иногда спят. Ураганы должны отдыхать – иначе откуда им взять сил для разрушения?

Одиннадцать месяцев, скоро год, а он еще не ходит. И зубов всего четыре. Гуля почему-то считает, что это ее вина. Я совсем не занимаюсь ребенком, думает она с раскаянием. Мы не читаем книжки. Не играем. И мне надо похудеть. Не есть. Вчера зарекалась, а перед сном напилась чаю с сахаром и съела полкило печенья. Опять.

У Маринки – дочка. Такая смешная. И восемь зубов, еще два режутся. А ей десять с половиной. А нам одиннадцать. Я плохая мать, думает Гуля.

И все-таки он спит. Полтора часа после обеда. Еще два – после полдника. Что-то можно сделать: развесить белье, поставить стирку, помыть полы, убрать игрушки. Что еще?

Не успеваю. Не успеваю.

1941

– Принимай командование, Всеславич, – говорит капитан. – Это из рублевской разведшколы. Добровольцы.

Младший сержант Бисеров пытается сообразить, в каком месте он доброволец. Краем глаза разглядывает остальных – может, они?.. Хрен там. Десантников трое. И на всех трех лицах – полное офигение.

– Старший лейтенант Филипенко, – представляется тип с залысинами.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/vrochek_shimun/vsya-skazka-maugli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)